

В.Ф. Берков

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ РЕГУЛЯТИВЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Историческое исследование начинается не «с чистого листа». Непременным условием движения по пути познания истории является методологическая вооруженность исследователя. Именно метод — инструмент получения научного, т. е. объективно-истинного и логически обоснованного знания. Методы, применяемые в исторической науке, — мерило ее зрелости и совершенства, показатель сложившихся в ней отношений. Возникновение и прогресс истории как науки необходимо связаны с генезисом и развитием ее методов. Новое рождается в ней не столько благодаря улучшению психологических качеств отдельных личностей, сколько путем изобретения и совершенствования надежных методов работы.

В структуре метода центральное место занимают правила. В нашем понимании правило есть предписание (не обязательно жесткое, например рекомендация), устанавливающее порядок действий при достижении некоторой цели. Оно является положением, в котором отражена закономерность или тенденция в некоторой предметной области. Эта закономерность (тенденция) фиксируется в базовом знании правила.

Беркаў Уладзімір Фядотавіч — прафесар кафедры філасофскіх навук Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, доктар філасофскіх навук.

3

Базовое знание трансформируется в систему операциональных норм, обеспечивающих соединение средств и условий с деятельностью человека. Истинность базового знания есть необходимое условие правильности метода.

В базовом знании интегрируются результаты самых разнообразных познавательных сфер. Можно выделить философское, общенаучное, конкретно-научное содержание научного метода. Особое место в базовом знании принадлежит его предметно-образному компоненту, закреплённому в различного рода методиках.

Философское содержание составляют положения онтологии и теории познания, антропологии, логики (диалектической и формальной), этики, эстетики, аксиологии. Все они, за исключением, пожалуй, законов формальной логики, не существуют в форме жесткой системы норм, рецептов или технических инструкций и фиксируются в самых общих ориентирах научного познания. Образно говоря, философия — это компас, помогающий определить правильное направление, но не карта, на которой заранее расчерчен путь до конечной цели. Имея такой общий направляющий характер, философские методологические регулятивы, тем не менее существенно влияют на выбор предмета исследования, селекцию средств, санкционируют одни из них, запрещают или ставят под сомнение другие. Философская методология, таким образом, есть необходимое условие формирования мотивации научно-исследовательской деятельности.

Различные философские направления по-разному мотивируют развитие науки. Одни из них настроены к ней скептически и строят свои учения по контрасту с ней (напр., экзистенциализм). Другие пытаются растворить философию в науке, тем самым отказывая философии в мировоззренческой и методологической функциях (позитивизм). Третьи обобщают результаты и методы науки, совершенствуя картину мира и ориентиры научного познания (диалектический материализм).

В дооктябрьский период российская историческая наука находилась под сильным влиянием двух философских направлений — гегельянства и позитивизма. Оба эти направления включали представления о закономерностях исторического процесса и возможностях его познания. Но их трактовка и воплощения были различны.

Особенность гегельянства — подход к истории с позиции общей идеи и отношение к историческому факту как к иллюстрации ее логического развертывания. У гегельянцев на первом плане находится го-

4

сударство и право, рассматриваемые как силы, способные обуздать эгоистический интерес индивида и направить его к достижению общего блага.

У представителей позитивистского подхода на первом плане находятся факты, эти «атомы» исторической истины, сбор, максимальное накопление и индуктивное обобщение которых открывает возможности в реконструкции исторической эволюции. Поэтому в позитивистской парадигме поиск исторических закономерностей шел не в историко-государственной сфере, а в сфере общественной жизни. Данные познавательные стратегии явно просматриваются в творчестве крупнейших представителей исторической науки в дореволюционной России — С. М. Соловьева и В. О. Ключевского.

Как отмечал С. М. Соловьев, чтобы воссоздать историю «такой, какой она была», и познать ее смысл и цель, требуется проследить восхождение по ступеням лестницы прогресса властных отношений (образ, воспроизводящий спиральную модель философии истории Гегеля). Задачу историка гегельянец Соловьев сформулировал следующим образом: «Не делить, не дробить русскую историю на отдельные части, периоды, но соединять их, следить преимущественно за связью явлений, за непосредственным преемством форм, не разделять начала, но рассматривать их во взаимодействии, стараться объяснить каждое явление их внутренних причин, прежде чем выделить его из общей связи событий и подчинить внешнему влиянию...» [1, с. 51].

Следуя такой установке, С. М. Соловьев создал представление об органическом развитии истории России как процессе смены догосударственных, родовых начал новыми, государственными. Эти начала были строго разделены, противопоставлены и воплощены в образах удельных князей (позже боярства) и царя. В центре повествования оказалась история государства, которая излагалась по великокняжеским правлениям.

Для В. О. Ключевского русская история — не логически стройный процесс, а загадка, подойти к решению которой можно, лишь тщательно собрав и изучив все доступные факты. Разгадку тайны исторического процесса он видел в рассмотрении многообразных и изменчивых, счастливых и неудачных сочетаний, которые складываются в известных странах для того или иного народа на более или менее продолжительное время. Именно постижение постоянно изменчивой связи общественных явлений, с точки зрения В. О. Ключевского, может подве-

сти исследователя к пониманию исторического процесса [2, с. 8]. Этим диктовалась группировка материала не по историко-государственному, как у С. М. Соловьева, а по проблемно-хронологическому принципу [3, с. 102—117].

Для проникновения в сущность исторического процесса важна как та, так и другая точка зрения. Каждая по отдельности обладает непреходящей, но ограниченной ценностью. Как заметил В. И. Ленин, «отдельное бытие (предмет, явление etc.) есть (лишь) одна сторона идеи (истины). Для истины нужны еще другие стороны действительности, которые тоже лишь кажутся самостоятельными и отдельными (besonders für sich bestehende). Лишь в их совокупности (zusammen) и в их отношении (Beziehung) реализуется истина» [4, с. 178].

Философские регулятивы выражаются с помощью понятий, имеющих предельно общее (значит, предельно мыслимое) содержание и нечеткий объем, — философских категорий. Этими качествами (предельной общностью содержания и нечеткостью, расплывчатостью объема (определяется их ориентирующий, но не предписывающий характер).

Будучи формами отражения объективной реальности, философские категории выполняют вместе с тем методологическую функцию, служат, по Гегелю, опорными и направляющими пунктами движения духа. Штудируя соответствующий фрагмент «Науки логики» великого немецкого мыслителя, В. И. Ленин оставил следующий комментарий: «Перед человеком сеть явлений природы <...> Категории суть ступеньки выделения, т. е. познания мира, узловые пункты в сети, помогающие познать ее и овладеть ею» [5, с. 85].

Каждая философская система выражает свое содержание с помощью собственного, специфического категориального аппарата. Многие нюансы исследовательской деятельности, как и ее результаты, зависят не только от философской установки в целом (как у Соловьёва или Ключевского), но и от внутренних особенностей ее базового знания, содержательного наполнения каждого из ее элементов.

Едва ли не первый вопрос, встающий перед исследователем в области истории, — вопрос пространственно-временного характера: «Где и когда произошло данное событие?». Он возникает как бы «в порядке вещей», и ни одна философско-методологическая система не поставила под сомнение его правомерность. Категории пространства и времени направляют мышление не только в научном трактате, на школьном уроке, в популярной лекции, но и в повседневной жизни. На сегодняш-

ний день пространственно-временные характеристики превалируют (к большому сожалению) в списках централизованных тестовых заданий, предлагаемых абитуриентам при поступлении в высшие учебные заведения.

Однако наука в собственном смысле этого слова начинается с изучения отношения детерминации. Как справедливо заметил Ф. Энгельс, это «первое, что выступает перед нами, когда мы рассматриваем движущуюся материю» [6, с. 546]. Философское учение о детерминации называется детерминизмом. В нем центральное место занимает понятие причинно-следственной связи. В соответствии с диалектико-материалистическими методологическими установками, в генетическом плане эта связь ориентирует исследователя на прогрессивное движение познания по детерминистической цепи — от случайности к необходимости, от единичного к особенному и общему, от формы к содержанию, от возможности к действительности, от явления к сущности. В историческом исследовании отношение причины и следствия приобретает форму соотношения цели, средства и результата. «Отношение цели, средства и результата ее реализации — писал Н. Н. Трубников, — оказывается той особенной формой причинного отношения, которая характерна для сферы осмысленной, целеполагающей деятельности человека <...> При этом в роли т. н. непосредственных причин здесь выступают средства реализации, более или менее соответствующие поставленной цели. Действие же приобретает форму идеально положенного в виде цели результата, воспроизводя содержание самой деятельности и ее средств» [7, с. 461].

По определению К. Маркса и Ф. Энгельса, «история — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» [8, с. 102]. Следовательно, познать историю — значит познать прежде всего преследуемые человеком цели, которые в конечном счете не произвольны, они «порождены объективным миром и предполагают его» [9, с. 171]. Поэтому методология исторического познания рекомендует не терять из виду вопросы *Cui bono? Cui prodest?* (В чьих интересах? Кому выгодно?), которыми руководствовались древние римляне при расследовании преступлений.

Отмечая большие методологические возможности деятельностного принципа, следует учитывать опасности его упрощенческого применения, в частности при познании сложных развивающихся систем. Одной из таких систем является человеческое общество. Оно функциони-

рует в условиях противоборствующих целей и тенденций. В таких случаях источниками заблуждений оказываются нарушения уже упоминавшегося требования всесторонности. Например, в обществоведческой литературе распад СССР объясняется самыми разнообразными причинами — «предательством» и «глупостью» Горбачёва, борьбой Горбачёва и Ельцина, «заговором Запада», перерождением номенклатуры и пр. Однако при этом не обсуждается едва ли не главный фактор: почему народ и многомиллионная коммунистическая партия не поднялись на защиту своей страны? Объяснение, таким образом, находится на пути не только того, что случилось, но и в том, что не случилось. Такое объяснение требует привлечения диалектической пары категорий действительности и возможности.

В исторических исследованиях различают модели, отображающие конкретные события и процессы в прошлом («как было»), и модели, дающие представление о тенденциях и процессах в форме, которая позволяет имитировать различные возможные, в том числе и нереализовавшиеся в прошлом явления («как могло бы быть»). Иногда их называют соответственно отражательно-измерительными и имитационно-прогностическими моделями [10]. И хотя говорят, что история не имеет сослагательного наклонения, однако результаты, получаемые с помощью имитационно-прогностического моделирования, значительно расширяют возможности понимания исторических процессов. Если не подходить к истории с позиций жесткого механического детерминизма, то любая историческая действительность, прежде чем стать действительностью, представляет собой лишь одну из возможностей, и чтобы по-настоящему знать ее, нужно проанализировать и другие возможности, которые не осуществились. При таком подходе картина исторической реальности становится более полной и обоснованной, познание поднимается на более высокий теоретический уровень. Не-пройденные дороги для историка — такая же реальность, как и пройденные.

Уроки истории усваиваются с неизменным обращением к сослагательному наклонению. Например, над тем, что произошло в России после февраля 1917 г., тяготеет множество «если бы», и разговор о них становится почти неизбежным. В частности, как развивались бы события, не вернись Ленин в Россию в апреле или будь он арестован Временным правительством и предан суду после июльских событий? Поиск ответов на эти вопросы требует не только детального эмпирическо-

го изучения, но и глубокого теоретического осмысления соотношений классовых сил накануне Октября.

В прошлом историческая наука мало занималась несбывшимися вариантами, но к концу XX в. имитационно-прогностическое моделирование получило достаточно широкое распространение. Его инициаторы американские ученые Р. Фогель и Д. Норт получили Нобелевскую премию за цикл работ по

истории американского рабства. По-видимому, зарождается новая ветвь историко-философских исследований — ретроальтернативистика.

Термин «ретроальтернативистика» предложен И. В. Бестужевым–Ладой. Им же сделаны едва ли не первые попытки сформулировать научный инструментарий этого направления. В частности, он обозначил некоторые ее проблемы. Приоритетное значение среди них имеет, на его взгляд, выработка следующих четырех методологических критериев: критерия реальности виртуальных сценариев, позволяющего провести рубеж между реально возможными и явно фантастическими допущениями; критерия логичности виртуальных сценариев, позволяющего установить непротиворечивость причинно-следственных связей в их построении; критерия сопоставимости виртуальных сценариев между собой и с исторической действительностью, позволяющего сравнивать только сравнимое, сопоставлять только сопоставимое; критерия оптимальности виртуальных сценариев, позволяющего извлекать из них уроки на будущее в той же или исходной области исторического знания [11, с. 122].

Диалектико-материалистическая методология является эссенциально (от лат. *essentia* — сущность) ориентированной. В постижении сущности предмета она видит ключевую задачу науки, рассматривая явление как форму проявления сущности, последняя же раскрывается в явлении. Однако единство сущности и явления не означает их тождества. «Если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпадали, то всякая наука была бы излишняя» — писал К. Маркс [12, с. 272].

Эссенциальная ориентация материалистической диалектики в конечном счете ведет к следствиям, позволяющим не только отображать глубинные связи и отношения объективного мира, обнаруживать господствующие в нем тенденции, формулировать научные законы, создавать научные теории, но и предсказывать возможные состояния исследуемых объектов. И чем глубже проникает субъект в познание сущ-

ности этих объектов, тем надежнее предсказания и обоснованнее прогнозы и планы практической деятельности.

В качестве примера можно взять одно из предсказаний, данных в свое время К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они были выдающимися специалистами в области социальных наук и на основе гегелевской диалектики дали глубокий анализ состояния капиталистических отношений в XIX в. Благодаря фундаментальному знанию ситуации в тогдашнем обществе им удалось предвидеть многие дальнейшие события. В частности, возможность Первой мировой войны, ее участники и революция в России были предсказаны ими еще в 1970-х гг.

Известно, что в 1870 г. Германия достаточно быстро нанесла Франции ряд поражений и оккупировала Эльзас и Лотарингию. Условия военного времени осложнили деятельность социал-демократической партии Германии. Поэтому К. Маркс и Ф. Энгельс внимательно изучают ситуацию и, обращаясь к немецким социал-демократам, высказывают следующие соображения:

«Тот, кто не совсем еще оглушен теперешней шумихой или не заинтересован в том, чтобы оглушать германский народ, должен понять, что война 1870 г. так же неизбежно чревата войной между Германией и Россией, как война 1866 г. была чревата войной 1870 г.

Я говорю неизбежно, непременно, если не учитывать того маловероятного случая, что в России до этого времени может вспыхнуть революция.

Если этот маловероятный случай не произойдет, то войну между Германией и Россией приходится уже сейчас рассматривать как *fait accompli* (совершившийся акт).

Будет ли эта война вредна или полезна — целиком зависит от нынешнего поведения немецко-победителей.

Если они захватят Эльзас и Лотарингию, то Франция вместе с Россией будет воевать против Германии. Нет надобности указывать на губительные последствия подобной войны.

Если же они заключат с Францией почетный мир, то эта война освободит Европу от московитской диктатуры, растворит Пруссию в Германии, создаст возможность мирного развития на западе континента и, наконец, может прорваться социальной революцией в России, элементы которой нуждаются для своего развития только в таком внешнем толчке, — стало быть, такая война будет полезна и для русского народа» [13, с. 272].

В принципе так оно и произошло, ход истории подтвердил эти предсказания К. Маркса и Ф. Энгельса.

В фундаменте марксистского (диалектико-материалистического) подхода к изучению науки лежат не только положения о науке как системе объективного знания и о влиянии философских установок ученых на создаваемые ими концепции, но и тезис о социальной природе науки. Последнее положение заслуживает особого внимания.

Долгое время науковедение всецело основывалось на постулировании моделей развития науки, которые иногда называют марковскими (по имени известного математика А. А. Маркова): предполагалось, что состояние науки в данный момент определяет по крайней мере вероятности возможных ее переходов в новые состояния, а неполнота знаний — определяющий фактор ее дальнейшего развития. Подобные модели сыграли заметную роль в наукометрических представлениях о развитии науки.

Впоследствии стала очевидной ограниченность марковских науковедческих представлений. В частности, цели научного исследования не описываются полностью в рамках самой науки: в них входит внешний социальный «заказ» на знания, выражающий осознание практической потребности в решении наукой назревших задач. Сама по себе наука не обеспечивает социальный прогресс. Она может подсказать ученому, что можно исследовать, но не в состоянии указать на то, что он должен исследовать, что актуально на данный момент времени. Поэтому, чтобы организовать свою деятельность как значимую социальную, исследователю приходится выходить за рамки своих узкопрофессиональных задач и осмысливать социокультурный фон, на котором разворачивается эта деятельность.

Социальная среда «лихих 90-х» повлияла на философию и науки социо-гуманитарной сферы самым негативным образом. Коренной ломке подверглась методология научного познания. В соответствии с природой и требованиями социальной среды на задний план отодвигались навыки рационального мышления — для общества потребления они попросту излишни. Многие представители российской интеллигенции приложили немало усилий, чтобы опорочить стержень всякого теоретического мышления — диалектику и ее важнейший компонент — диалектическую логику. Труды классиков марксизма, особенно те, которые имеют большое методологическое значение и должны быть настольными книгами каждого исследователя-историка («Манифест Комму-

нистической партии», «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта», «Гражданская война во Франции», «Диалектика природы» и др.) вычеркиваются из учебных программ, исчезают с библиотечных полок.

Переход на «новые» методологические позиции принимал нередко одиозные формы — подобные эпизоду с «превращением Савла в Павла». Вот характерный пример. В 1991 г. в московском издательстве «Просвещение» вышел «Краткий словарь по логике» (авторы Д. П. Горский, А. А. Ивин, А. Л. Никифоров, под ред. Д. П. Горского). В статье о диалектической логике последняя представлена в полном соответствии с достижениями советских ученых предшествующего времени — как учение о формировании и развитии знаний, о применении их на практике. Она, как утверждают авторы, опирается не только на общие законы диалектики (закон перехода количественных изменений в качественные, закон единства и борьбы противоположностей, закон отрицания отрицания), но и на специфические законы, присущие лишь сфере познания, такие как закон соотношения абсолютной и относительной истины, восхождения от абстрактного к конкретному, соотношения анализа и синтеза, индукции и дедукции, а также принцип конкретности истины, закономерности, связанные с оборачиванием метода, и др.

После смерти Д. П. Горского в 1994 г. его ученики А. А. Ивин и А. Л. Никифоров поспешили отказаться не только от воззрений своего учителя, но и от своих собственных. В 1997 г. они издали книгу «Словарь по логике», где также есть статья «Диалектическая логика». В ней диалектическая логика представлена совершенно в другом свете — как порождение тоталитарного режима. «Диалектическая логика, — пишут авторы, — отражала сочетание коллективистической твердости ума с его софистической гибкостью. Результатом ее применения к осмыслению социальных процессов являлась двойственность, мистифицированность социальных структур и отношений» [14, с. 84].

Подобная мимикрия весьма характерна для поведения нынешней либеральной интеллигенции. Начиная с горбачевской перестройки, она жаждет нового духовного опыта, напрочь отвергая старый. Семидесятилетнее прошлое объявляется ошибкой истории. Марксизм, его методология подвергаются шельмованию. Термины «диалектика», «диалектическая логика» исчезают из научных публикаций, их попросту не желают воспринимать. Но, как говорится, свято место пусто не бывает.

На смену диалектической методологии, выкованной многовековой историей развития философии, науки и общественной практики, при-

ходят тощие рекомендации давно изжившего себя позитивизма, но возрожденного в конце XX в. на потребу социально-политических устремлений современного буржуазного класса и представленного в глянцево-упаковке постмодернизма. Особенно отчетливо это просматривается в науках социально-гуманитарного цикла. Теперь, оказывается, очень просто сочинять научные труды. Не нужно вскрывать глубокие причинно-следственные связи, вникать в соотношение сущности и явлений, давать им объяснения, отделять необходимое от случайного, общее от особенного и т. д. Печально, что по этому пути идет множество современных белорусских ученых. По свидетельству В. Н. Сидорцова, «основной состав отечественных

историков, как ни парадоксально, “законсервировал” себя на уровне дальнейшего накопления фактического материала с его первичным обобщением, не утруждая себя последующим “восхождением» [15, с. 7]. Таких исследователей реальная деисторизация науки не особенно заботит.

В социологии наблюдается сдвиг исследовательского внимания с изучения объективных социальных процессов, социальных общностей, социальных структур на анализ их отражения в сознании отдельных групп лиц. Пересматривается предмет социологии, и в качестве такового нередко провозглашается сознание как отражение социальной сферы. Звучат призывы не к отображению социальной жизни в качестве реальности как таковой, а к реконструкциям социального процесса исходя из множества точек зрения, мнений его участников. Анкетные опросы — решающий и едва ли не единственный методологический ориентир в подобного рода исследованиях. Неудивительно, что их результаты обладают крайне ограниченной ценностью и пригодны разве что для создания или коррекции общественного мнения (пиара) во время предвыборных кампаний и т. д.

Установки, возобладаввшие в ряде сфер социально-гуманитарного познания и образовательной практики, связаны с отрицанием последовательной и цельной методологии и ведут, естественно, к фрагментарности и эклектизму получаемых результатов. Научное исследование заменяется его имитацией. Подмена понятий, девальвация терминов, массовое использование иноязычных слов при наличии русских и, едва ли не главное, осознанное нежелание опираться на классические труды предшественников — обычная манера, в которой создается продукция, представляемая на суд массового читателя. Виртуальность и вариативность, неустойчивость общественной жизни, ее неповторимость

требуют, как считает значительное число отечественных историков, социологов, экономистов, психологов, неповторимых методов анализа. Оправдывается применение любых принципиально невоспроизводимых методик и изложение различных интерпретаций полученных данных. По убеждению бывшего психолога, а ныне политолога и популярного телекомментатора Л. А. Радзиховского, «годятся в дело любые методологические подходы, включая иррациональные, рациональные, интуитивистские и т. д. и т. п., и нет никакого разумного критерия для их разделения на “плохие” и “хорошие”» [16, с. 101].

Однако полученные такими способами выводы не могут быть вовлечены в дальнейший научный оборот, а научная полемика без общей основы соотнесений становится в принципе бессмысленной. Ситуация во многом напоминает состояние дел в начале XX в., когда некоторые естествоиспытатели и философы увлеклись эмпириокритицизмом.

И все же, несмотря на давление социума и соответствующее идеологическое противодействие, ученые вынуждены обращаться к диалектике. Наука стихийно воспроизводит диалектические познавательные схемы, которые демонстрируют свою эффективность. Перефразируя классика, можно сказать, что наука рождает диалектический материализм. В свое время с позиций закона единства и борьбы противоположностей была дана критическая оценка открытого Ньютоном закона всемирного тяготения. Гегель объявил этот закон ошибочным, поскольку в природе существуют противоположности: гравитационному притяжению должно противостоять гравитационное отталкивание. В пользу таких утверждений говорило то, что в рамках принятой в те годы модели стационарной Вселенной присутствие только сил притяжения неизбежно привело бы все вещество к стягиванию «в точку». Однако наличие притяжения подтверждалось экспериментально, а отталкивание тел без их прямого контакта никто не наблюдал. В те, да и в последующие годы, возражения Гегеля не получили признания в научной среде. Лишь другой выдающийся философ-диалектик середины XIX в. Ф. Энгельс в капитальной работе «Диалектика природы» полностью поддержал гегелевские утверждения о существовании в природе гравитации единства двух противоположностей. Астрономические открытия конца прошлого века поставили перед необходимостью обратить внимание на высказывания Гегеля, сделали их актуальными и положили начало кардинальному изменению прежних научных представлений о Вселенной.

Гегелевская диалектика нашла плодотворное продолжение в современных синергетических изысканиях. Это отмечается, в частности, в работах И. Пригожина и И. Стенгерс. Они обращают внимание на то, что основу гегелевской диалектики составляют представления о качественном различии между простым поведением, описываемым механикой, и поведением более сложных систем, таких как живые существа и социальные системы. Гегелевская диалектика отрицает возможность сведения этих уровней друг к другу, т. е. она отвергает саму мысль о том, что различия между ними лишь кажущиеся, и что природа в основе своей однородна и проста. Она утверждает существование иерархии, в которой каждый уровень предполагает предшествующий.

В заключение хотелось отдать дань исследованиям советских философов и методологов 60—80-х гг. XX в., которые, опираясь на наследие Гегеля и Маркса, раскрыли творческие возможности диалектики как

логики развития теоретической мысли, как способа анализа и разрешения противоречий в мышлении и объективном мире. Полученные результаты оказались не только вполне конкурентно-способными с зарубежными работами, но в определенном отношении даже лучше последних. Примечателен вывод американского исследователя, профессора Массачусетского технологического института Л. Р. Грэхема, издавшего в 1987 г. монографию, посвященную истории философии и науки в Советском Союзе: «Современный диалектический материализм является впечатляющим интеллектуальным достижением. Улучшение ранних положений Энгельса, Плеханова и Ленина и развитие их в систематическую интерпретацию природы представляет собой наиболее оригинальное интеллектуальное творение советского марксизма. Развиваемый наиболее способными его сторонниками, диалектический материализм, без сомнения, есть искренняя и обоснованная попытка понять и объяснить природу. По универсальности и степени разработанности диалектико-материалистическое объяснение природы не имеет равных среди современных систем мысли» [17, с. 415].

Хотелось бы лишь добавить, что методологический потенциал диалектического материализма далеко не исчерпан. Можно не сомневаться, что со временем эта философия снова будет призвана к высокому служению, во всяком случае, когда к этому вынудит невозможность успешного решения стоящих перед человечеством задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. / С. М. Соловьев. М., 1988. Кн. 1.
2. Ключевский, В. О. Русская история: полный курс лекций : в 3 кн. / В. О. Ключевский. М., 1993. Кн. 1.
3. Усачев, А. С. Lonque dugle российской историографии / А. С. Усачев // *Общественные науки и современность*. 2002. № 2.
4. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. Т. 29
5. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. Т. 29.
6. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 20.
7. Трубников, Н. Цель / Н. Трубников // *Философская энциклопедия*. М., 1970. Т. 5.
8. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 2.
9. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений / В. И. Ленин. Т. 29.
10. Ковальченко, И. Д. О моделировании исторических явлений и процессов / И. Д. Ковальченко // *Вопросы истории*. 1978. № 8.
11. Бестужев-Лада, И. В. Ретроальтернативистика в философии истории / И. В. Бестужев-Лада // *Вопросы философии*. 1997. № 8.
12. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 25. Ч. 2.
13. Маркс, К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. Т. 17.
14. Ивин, А. А. Словарь по логике / А. А. Ивин, А. Л. Никифоров. М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1997.
15. Сидорцов, В. Н. Теоретико-методологический парадокс в отечественной историографии / В. Н. Сидорцов // *Электронная библиотека БГУ [Электронный ресурс]*. 2010. — Режим доступа: <http://www.elib.bsu.by/> — Дата доступа: 21.06.2010.
16. Радзиховский, Л. А. Логический анализ и проблема понимания в психологии / Л. А. Радзиховский // *Вопросы психологии*. 1989. № 5.
17. Грэхем, Л. Р. Естествознание, философия и науки о человеческом поведении в Советском Союзе / Л. Р. Грэхем. М., 1991.